Ударной волной я швырнул незадачливого убийцу через весь зал, прямо в колонну, выбивая из легких весь воздух. Всё ради того, чтобы он насладился последним дыханием перед приближением смерти. Из обеих моих рук вырвалось ослепительное белое пламя, видоизмененное под обстоятельства: тело Долохова не сгорело в мгновение ока, оно выплавилось в колонну, став с ней одним целым.

Напоследок я наложил мощный барьер, чтобы его душа не вырвалась в иной пласт бытия. Ну уж нет, обычная смерть слишком щедрый дар, который нужно заслужить. Долохов этого не заслужил в моем понимании, поэтому даже когда барьер иссякнет, неупокоенной душе придется навечно застрять в камне.

К сожалению, насладиться триумфом мне не дал чародей, скрывающий часть лица высоким капюшоном. Он взмахнул палочкой и произнес заклинание, направив зеленый луч ядовитого сияния. Впрочем, ожидаемый ход, на который есть простые меры.

Взмахом руки я поднял каменную плиту, которая рассыпалась в песок после попадания луча. Любопытный феномен. Чародеи этого времени полностью покорили смерть. Авада Кедавра – удивительное во всех смыслах заклинание. Оно накладывает фактор энтропии на что и кого угодно. Бороться с энтропией можно, но процесс этот бесконечный, зацикленный. Окружающее нас пространство изолировано и находится в замкнутой среде, следовательно, в нем происходит всевозрастающий беспорядок, приводящий к разрушению. А разрушение, в широком понимании, представлено смертью. Маги как-то смогли этот процесс обуздать, контролировать, направлять. Это интригует. Концептуальная смерть без причины, итог без пути. Авада Кедавра.

— Мерлин, — испуганно произнес низушник, мелкий карлик с заостренными ушами, отбежавший в сторону и спрятавшийся за столом для приема клиентов. Обычное слово, упоминание некого Мерлина, немного сбавило пыл единственного мага на противоположной от меня стороне.

— Ты посмел убить моего верного сторонника, — прошипел чародей, и он был в ярости, если судить по тряске палочки.

— Ты путаешь небо со звездами, отраженными ночью в поверхности пруда, — холодно изрек я, оттолкнувшись от колонны и лениво отряхнувшись от пыли, пока в меня направляли палочку для преобразования силы в заклинание. — Наивно принимая, в силу малого опыта и скудности познания, что можешь одним заклинанием отомстить за своего пса. Отвязавшегося от привязи, напавшего на меня, получившего справедливую расплату за проявленную наглость.

— Кто ты?! — задал вопрос он, крепче сжимая палочку.

— Спрашиваешь об имени, позабыв о хороших манерах, — упрекнул его, совершенно спокойно стоя перед ним. Он силен, возможно, объелся хаотичной энергией, больше моего за прошлую жизнь. Если это возможно, я не хотел бы без причины сражаться с восставшей против Министерства Магии… мерзопакостной ящерицей. — Проявление манер – основа основ в

любом обществе, отличающемся от диких краев. Это истина столь же банальна, сколь прозаична. Более того, органично прозаична и понятна даже сиротам с приюта, — заканчивая подводку, столкнулся с яростным шипением противника, будто залил ему в уши кипящее масло. Дети с приюта… Нужно побольше разузнать о нем, возможно, он такой же нищий, каким был я много лет назад. — Сперва представляешься сам, потом даже не нужно спрашивать, кто перед тобой. Он сам ответит.

— Безумное высокомерие, — зло изрыгнул он, немного успокоившись после пяти секунд моего ожидания. — Лорд Волан-де-Морт! Я истинный наследник Слизерина и продолжатель его дела. Если ты всё понял, то можешь становиться на колени и вымаливать прощение за демонстрацию дерзости.

Бледнолицая тварь смеет предлагать мне отношения слуги и подчиненного.

Кому скажи, засмеют идиота. Хотя он организовал восстание, его можно назвать удачливым и сильным, но это не отменяет скудности ума. Мое мнение, касательно этого, подкреплено фактами. Его лицо сходно с мертвецом или слабеньким вампиром, сморщенное, невыразительное, немного перекошенное. Глаза его напоминают две красные лужи, на которые помочились вампиры. А энергия, исходящая от мага, говорит о его серьезных проблемах с душой. Она у него, как бы выразиться, неполноценна во всем.

Человек, состоящий из обрывков, сам становится обрывком. Волан-де-Морт состоит из этих обрывков. Его магическая аура, его жизненная сила, его мысли насчет выбора сторонников, и самое главное – его душа, – реализуются наполовину. Если и того не меньше. Я будто говорю с призраком, которого недавно потрепала демоническая стая.

— Вильгефорц из Роггевеена, — спокойно представился я. — Преклонить колени? Перед наследником кого? Того, чей прах уже истлел под гнетом времени? Перед эхом, чей голос давно стих в пустоте? — подражая его манере, вдоволь поиздевался я.

— Да как ты смеешь?! — рявкнул он, отправив в меня фиолетовый луч, который я схватил ладонью и перенаправил в стенку банка. Трещины по мрамору разошлись, как паутины от ста паучих. Это меня порадовало, теперь банк не смотрелся приторным, а более настоящим и приземленным. На финальной стадии разрушения, как весь мир. — Я его наследник! Моя воля – его воля! Воля величайшего волшебника в истории! И ты смеешь смеяться над этим? Прямо мне в лицо?! Все, что выходит из моих уст, – это закон для таких, как ты. Ты должен исполнять волю Слизерина, если в тебе есть хоть капля чистой крови.

— Закон? — весело рассмеялся я, с холодным огоньком в душе. — Закон – это ржавая цепь, что сковывает волю; кнут, что хлещет по спинам рабов; воронка, что поглощает свободу. Любая воля, в общем понимании, лишь ложь, облаченная в ризы благочестия. Дешевый обман, украшенный добродетелью, — успокоив рвущийся наружу хохот, я продолжил более серьезно. — Только потому, что ты наследник рассеянного по воздуху праха, уж поверь, преклонять колени я не стану. Перед эхом прошлого их преклоняют только одичавшие шавки, – одну из таких я запечатал в камне, иссушив тело и истерзав душу. Впрочем, колонна большая, места для двоих хватит с лихвой.

До встречи с иссохшим трупом, мнящим себя Волан-де-Мортом, я не испытывал к нему ненависти. Сугубо презрение, тесно граничащее с ненавистью, но не переходящее черту. Я испытывал отвращение к подобию человека, набравшему себе сброд в подчинение. И это я не про Долохова, ему просто не повезло, он попал под горячую руку из-за последствий моей бесславной кончины от меча Геральта из Ривии.

Долохов – жертва, созданная, чтобы я унял свой гнев и спустил пар. Но бледнолицый лич с душой в мизинец – перепутал концы света на диаметрально противоположные. Он набрал тех, кто выдал его местоположение из-за страха. Умный, по-настоящему талантливый чародей, подобных проколов не допустит.

Даже если это отродья на убой, чародей всегда обезопасит себя, лишив расходный материал доступа к важной информации о своем местонахождении. Это уже отражает скверные перспективы быть подчиненным такого «лорда». Что уж говорить, когда он предложил стать на колени. Это оборвало любые возможности нашего мирного сосуществования в одном мире. Кто он такой, чтобы что-то требовать от меня? Наследник пустоты, следовательно, в эту пустоту ему следует отправиться, чтобы его рот не портил воздух каждый раз, когда он его открывает.

— Понятно, ты грязнокровка, — обидчивый ребенок кинул в меня смешное оскорбление, а затем произнес заклинание. Зеленая молния пронзила пространство, но я не стоял без дела, уклонившись воздушным скачком.

Следом за этим отправил огненный шар, выпущенный из рук, чем удивил противника. Похоже, до него только сейчас дошло, что Долохов погиб не от артефакта, а от моей чистой мощи. Впрочем, чародею это не помешало отразить заклинание, обвернув огонь в прослойку льда.

Обороняться пришлось уже мне. С яростным рыком противник обрушил на меня град заклинаний, формируя и чередуя их с чудовищной скоростью. Раньше времени мне пришлось набросить на себя мощный щит из синих молний, отражающих неприятности. Это позволило больше сконцентрироваться на контратаке.

Белоснежное пламя вылетело из моих рук, но прилетело в стену банка, прожигая ее до улицы. Враг от нее ушел при помощи странной телепортации, работающей по принципу скручивания тела в одну точку, для его более компактного перемещения в пространстве. Из обнаруженных минусов: потребовалась целая секунда, чтобы Лорд сформировал свое тело за колонной, намереваясь придумать новую связку из заклинаний. Придумать я ему не дал, обрушив на колонну чудовищный удар силовой волны, разбившим её на мелкие камни.

Что удивительно, враг был к этому готов и сразу отправил в меня луч, проникший без проблем сквозь защиту из молний. Я это позволил, поскольку действие заклинания меня заинтересовало: оно не смертельное, но безумно интригующее. Концепция боли? Что он произнес перед воплощением чар? Круцио, кажется. Оно проходит сквозь щиты из молний, воздействуя прямо на душу, терзая ее. Только вот…

— Нелетальное заклинание, — хохотнув, я похлопал в ладоши, за демонстрацию потрясающего

пыточного заклинания. Вместе с тем направив свою энергию на быстрое подавление чужеродной сопли. Это как испытать сифилис на пару секунд. Ничего хорошего, но не так страшно, если последствий не останется. — Концепция боли, концепция смерти. Твой арсенал не перестает меня удивлять. Будет правильно, если я поделюсь чем-то своим.

Трансформировав нож из куска мрамора, я притянул его телекинезом и порезал ладонь, чтобы часть крови стекла на потрескавшийся мрамор. Враг, по своей тупости, позволил мне это сделать, таращась без движений. Любой другой чародей уже бы побледнел, но только не невежда.

Сразу как подготовка завершилась, я накинул на себя щит и провозгласил:

— Да сыграет на твоих похоронах «симфония разрушения», — я прочитал заклинание, спровоцировав взрыв из своей крови, ее алых кристалликов, размером меньше песчинок. Взрыв сотряс здание, выбил окна, а красный туман окутал округу, медленно спадая лишь по прошествию семи секунд, обнажая вид на полуразрушенный банк. И, что не удивительно, валяющегося под завалами Волан-де-Морта. Он спасся магическим щитом, благодаря чему смог быстро оклематься и взмахом палочки освободить себя из каменной темницы. Весь такой злой и страшный, как саламандра, только без пара из ноздрей. — Моя вина. Трубадуры задержались, сыграют как-нибудь в другой раз.

— Авада Кедавра!

От зеленого луча я просто отошел, предугадав траекторию по палочке. Правда, в последний момент почувствовал неладное и окутал себя ледяным щитом, попутно отсоединив его от потока своей силы. Без подпитки щит просуществует пару мгновений, но куда больше, чем зеленый луч, сменивший траекторию в последний момент. Так и знал, что меня попытаются подловить. Без ледяного щита было бы не смешно, нет гарантий, что насильно выкинутую душу получится вселить обратно в тело. Испытать такое можно, но, явно, не на себе.

Но кое-что испытать можно. Притянув к себе весь туман в правую руку, сжав его, я притянул валяющиеся после взрыва драгоценные камни в другую. Весьма быстро и профессионально, за пару секунд, я создал могущественного голема, полностью красного и с большим потенциалом к разрушению. Использовав телепорт, мгновенно переместился к нему за спину. Он был под три метра, легко меня заслонял от нового града атак.

— Волан-де-Морт, я бесконечно восхищен твоими стремлениями сыграть для меня роль шута. Я могу тебя заключить в кварц или превратить в хрупкое стекло, медленно раздавив и осыпав твою могилу в час всеобщей радости твоей кончины. Но не буду. Тебе суждено стать для меня веселым развлечением.

Дешевая, в пару крон, провокация сработала. Противник перестал контролировать силу, обрушив шквал из сильных заклинаний по голему. Бедняга, голем раскалывался на части, не успевая даже дойти до цели. Умер без сопротивления, но за правое дело, истощив больше сил противника, чем я потратил на его создание.

***

Добавил 18 главу на бусти: https://boosty.to/lasombra

http://tl.rulate.ru/book/104224/3673767